

С.Н. Хомченко
S.N. Khomchenko

**БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ И ПЛЕН В ДНЕВНИКЕ
САКСОНСКОГО ПОЛКОВНИКА
АВГУСТА ФОН ЛЕЙССЕРА**

**BATTLE OF BORODINO AND CAPTIVES IN THE DIARY
OF SAXON COLONEL AUGUST VON LEYSSEER**

Август Фридрих Вильгельм фон Лейссер (Leyßer) (1771, Хольцминден – 1842, Дрезден), в кампанию 1812 г. полковник и генерал-адъютант саксонского короля Фридриха Августа I, командир саксонского кирасирского полка Гард дю Кор, в Бородинском сражении попал в плен, отправлен в Саратов. Отрывки из воспоминаний Лейссера были опубликованы в Дрездене в 1860 г.¹, однако они крайне скудны². Между тем в Главном государственном архиве Дрездена хранятся сами воспоминания, написанные в 1820 г. Немецкий исследователь Йорг Титце (Jörg Titze) опубликовал их отдельным изданием в 2016 г.³ Приводим фрагмент о событиях дня Бородинской битвы.

August Friedrich Wilhelm von Leysser (1771–1842), in the campaign of 1812, Colonel and Adjutant General of the Saxon King Friedrich August I, commander of the Saxon Cuirassier Regiment Garde du Corps. Participated in the battle of Borodino, was captured, sent to Saratov. Excerpts from Leisser's memoirs were published in Dresden in 1860, but fragments of the battle of Borodino and subsequent captivity are extremely scarce. Meanwhile, the Dresden Main State Archive stores a handwritten copy of Leysser's memoirs, written on the basis of a diary in 1820, where these events are described in sufficient detail. Here is a Russian translation of a fragment of memoirs about the events of the day of the Battle of Borodino.

Ключевые слова: 1812 год, Бородинское сражение, воспоминания, плен, полковник Август фон Лейссер.

Keywords: 1812, Battle of Borodino, memories, captivity, Colonel August von Leysser.

Август фон Лейссер

Битва у Можайска 7 сентября 1812 и последующие со мной события

В 8 часов вечера пришел приказ, что дивизия в 4 часа утра должна сидеть на конях и быть готова выйти на боевую линию. Поэтому в 2 часа все уже было в движении, и вскоре длинный ряд золотых касок блестел на утренней заре сре-

ди кустарника. Вскоре после этого дивизия получила команду к выступлению, которое началось с правого фланга. Мой полк был во главе колонны, а уже стоявшие впереди кавалерийские массы были мне ориентиром.

Здесь кавалерия разворачивалась в необозримые ряды, впереди тяжелой конницы стояла линия из прекрасных польских уланских полков, а справа от меня – французские карабинеры. Они представляли внушительное зрелище. Гигантские люди и лошади, античные шлемы с красными султанами и гусеницами, двойные кирасы желтой латуни; действительно, нельзя увидеть более прекрасных отборных и грозных всадников.

Мы оставались на этой позиции один час. Тысячекратное *«Да здравствует император!»* часто доносилось до нас от дальних отрядов и с каждой минутой мы думали, что и перед нашей линией как вестник победы появится император Наполеон. Однако мы напрасно ожидали его, вместо него прибыл генерал-адъютант, который передал войскам прокламацию о сегодняшней кровавой и победной работе; оружие было обнажено, и ее содержание зачитано людям на немецком. Император говорил там: «... что его храбрая армия будет сегодня сражаться в большой битве, которая уже давно с нетерпением ожидалась, что молодые солдаты должны помнить о мужестве своих старших братьев по оружию в битвах при Аустерлице и Фридланде, что анналы истории еще столетия будут рассказывать о боевых действиях Великой армии под стенами Москвы, что победа необходима и даст нам богатые зимние квартиры и уверенное возвращение в отечество».

С энтузиазмом эта прокламация была воспринята длинной линией кавалерии, ответившей ликующим: *«Да здравствует император!»*.

Теперь линии разделились. Дивизия Лоржа сделала поворот направо, затем немного продвинулась вправо и направилась налево; легкая конница теперь осталась справа от нас. Примерно через 2 000 шагов в этом направлении я получил приказ отправиться на возвышенность, где 5-го была видна русская батарея из 9 орудий и где позже генерал Монбрён был убит пушечным ядром. Другие полки строились в несколько рядов за мной.

Перед и за фронтом тлели еще бивачные костры, а трупы павших лежали вокруг копыт коней.

Мы сидели так несколько минут, но скоро нас поприветствовали пушечные ядра противника, и под гром орудий началась большая трагедия. Вскоре огонь стал яростным, и в полку стали появляться бреши, особенно в 3-м эскадроне; стоящий перед полком караул генерала Латур-Мобура был так сильно обстрелян гранатами, что командовавший им польский офицер и многие люди упали, от-

ряд на мгновение рассыпался, однако вскоре снова прочно стоял на своей позиции. Лошадь моего штаб-трубача была сражена – он был лучшим в полку, снова поднялся, вскочил на другую, и через 2 часа на этой второй был застрелен сам.

Действия нашего армейского корпуса теперь стали ясными, они были направлены большей частью на левый фланг противника, и это давало действительные шансы принять активное участие в битве.

Общий вид представлял величественное зрелище; огонь батарей противника с противоположных, занятых войсками возвышенностей, казалось, хотевших охватить наш фронт пылающим потоком, массы колонн, медленнодвигающихся навстречу на разных пунктах позиций противника, их развертывание под нещадным огнем застрельщиков, длинные, блестящие в солнечном свете ряды наших воинов, начинающийся огонь пехоты, грохот пушек, отдельные атаки кавалерии, это все создавало величественное целое. И ни с каким чувством нельзя сравнить то, которое наполняет грудь мужчины в битве, когда вокруг него смерть ищет и находит свою добычу, а он холодно и твердо бросает вызов ей и разрушению.

Как только легкая кавалерия завоевывала территорию, мы следовали за ней. Мы заняли вторую, а затем третью позицию, и картина битвы с каждым мгновением становилась интереснее.

Тут прибыл король Неаполитанский⁴, командовавший всей кавалерией, остановился перед фронтом полков и, в сопровождении нескольких адъютантов, поехал вдоль шеренги.

Обычное *Да здравствует* и т.д. – в такой день массовой гибели воистину нет чрезмерных желаний – раздалось снова и коронованный всадник милостиво поблагодарил приветствующую его толпу. Он был очень статным мужчиной с выразительной, ясно обозначенной физиономией, которому превосходно шел даже несколько фантастический костюм; по крайней мере, здесь он не показался мне комедиантом, как считают новейшие авторы стиля и критики, к тому же в бою он вел себя не как театральный принц, а как герой, непоколебимым мужеством и холодным презрением к смерти подавая пример войскам. Его одежда состояла из зеленого, богато расшитого золотом бархатного сюртука старо-французского покроя, персиково-красного цвета панталон и сапог, богато отороченных золотой бахромой; на шляпе волна страусовых перьев. Мы впервые увидели его в этом походе.

Большую часть лежащей перед нами местности до сих пор можно было обозревать из-за ее расположенных амфитеатром возвышенностей, но чем больше мы приближались к позициям противника, чем более пересекали ее, тем более ограничивался кругозор.

Мы видели несколько атак французской легкой конницы на крутой холм, который лежал перед нами на значительном удалении; они совершенно не удались, и несколько полков в величайшем беспорядке вернулись с этой высоты.

Много войск толпилось теперь у того места, и несколько батарей следовали за ними, чтобы поддержать возобновление новой атаки.

Был сделан вывод, что здесь находится очень важный пункт боевой линии противника, и это так и было, потому что в долине перед упомянутой высотой и вдоль ее края лежала деревня Семеновская, и эта деревня была, в силу ее положения, некоторым образом ключом к позиции, которая с неописуемыми усилиями и самопожертвованием нашей стороны многократно бралась, и снова с не меньшими усилиями отнималась у нас русскими.

Польская легкая кавалерия все еще оставалась справа от нас, вероятно, она была определена для обхода левого крыла, но это могло бы осуществиться, как говорил мне позже знающий местность русский офицер, только на часовом удалении по крутому краю долины. Несомненно, это движение вызвало бы счастливый результат, сберегло бы очень многих людей и произвело бы диверсию.

Слева от нас стояла дивизия французской тяжелой кавалерии, среди которой находились карабинеры.

Огонь на левом крыле нашей армии был гораздо менее оживленным, и это, казалось, указывало на то, что основное внимание Наполеона было сосредоточено на центре противника и его левом фланге.

Резервы, которые оставались далеко за нами на расстоянии выстрела, и вся французская гвардия и элитный корпус, также не вступившие в этой битве в бой, насчитывали, по общим показаниям, около 45 000 человек.

Хотя полк находился на этих различных позициях примерно 3 часа, можно считать под артиллерийским огнем противника, тем не менее потери до сих пор были невелики. Но теперь мы полуэскадронами рысью повернули направо и прошли ложбину, склоны которой поросли одиночным кустарником. При этом мы многих потеряли, так как батарея противника слева обстреливала этот овраг картечью; все же, несмотря на убийственный огонь и сложную местность, порядок движения колонн не был нарушен ни на мгновение. Мы достигли пологой возвышенности и развернулись здесь, чтобы прикрыть батарею из восемнадцати 12-фунтовых орудий, которая сильно обстреливалась.

Здесь происходил самый сильный огонь, какой я могу вспомнить в битве.

Мы стояли окутанные густым дымом, за настоящим огненным комом, и ужасный непрерывный гром орудий сотрясал землю. Взводы были весьма про-

режены; генерал Лепель, полковник Гильза и майор Яблонский (Diablonsky)⁵, один из самых высоких офицеров польских кирасир, которого я близко знал и очень ценил, погибли, генерал Латур-Мобур и некоторые из моих офицеров потеряли своих лошадей, а трое других были ранены.

Этот генерал, которого можно было с полным правом называть Баярдом армии, так как солдат возбуждал его героизм, его холодная осмотрительность, когда смерть бушевала вокруг, его, если необходимо, атаки во главе войск. Все также восхищались его бескорыстием, участием в чужой нужде, простодушием, которыми характеризовались все его действия, его высоко ценили как человека; этот генерал, я бы сказал, спокойно стоял, скрестив руки, рядом со своей убитой лошастью, отдавая команды, пока ему не подвели другую.

Наконец батарея противника замолкла, и вообще внезапно на короткое время наступила почти полная остановка огня артиллерии русских; причиной этого, вероятно, было то, что русский артиллерийский генерал Каминский (Kaminsky), который руководил ее действиями, был застрелен⁶.

Наша батарея крепко пострадала; четыре ее орудия были разбиты, а прислуга, я могу говорить это без преувеличения, лежала слоями один на другом. Командир батареи, серьезный мужчина, каких много можно найти среди новых французов, заверил меня, что команда была заменена уже в третий раз.

Полк с 6 часов утра полностью оправдывал мои ожидания, дело шло, хотя вражеские пули опустошили некоторые взводы, построенные в полном порядке, как на смотре. Наивысшее спокойствие господствовало в отделениях, никакой толкотни, даже движений не было заметно.

Практичный офицер знает, как ценится такое твердое длительное стояние под эффективным орудийным огнем. Генерал Латур-Мобур также сказал об этом несколько возвышенных слов.

Теперь, когда была сделана пауза, каждый высматривающим взором искал своего любимого товарища, друга и брата по оружию, и когда находил его, то самая чистая радость становилась видна в строю. Я уважал и любил каждого из этих храбрых людей, и я, в юности начав свою военную карьеру в этом полку, тоже вызывал их доверие и любовь.

Много разных фактов я мог привести в доказательство, а этот великолепный отряд – ах, через несколько месяцев должен был быть уничтожен, полностью и навсегда! Уже в этот день он растаял до менее трети.

В горячем деле, которое еще предстояло нам, очень приятным было то, что не было недостатка в подкрепляющих средствах. Каждый человек принял еще утром

выданные полкувшина водки и небольшой сухарь, но я могу утверждать, что никого не видел пьяным⁷. И хотя офицеры, а также команда состояли из молодых людей, но по их груди, осанке и твердости можно было узнать в них ветеранов.

Великолепный дух господствовал среди этих храбрецов, достойных быть элитой саксонской армии.

Мы оставались на этой возвышенности, пожалуй, четверть часа, и уже опасались, что больше не потребуемся для блестящих подвигов, не сможем пожать лавров, но во время этого простоя генерал Латур-Мобур только ожидал дальнейших указаний и между делом осматривал лежащую впереди местность. Наконец поступил приказ снова полуэскадронами свернуть направо и, приняв затем несколько левее, направиться к дефиле, где вдоль маленького ручья лежала деревня Семеновская.

Колонна пошла рысью; передо мной на удалении примерно 1 000 шагов лежал крутой край долины, на которой потерпели неудачу уже несколько атак, и с левого фланга меня постоянно сильно обстреливали. Сама деревня была в пламени, горящие балки лежали вокруг, крыши и стены обрушились, но что могло помешать нам, когда мы считали, что судьба дня зависит от штурма этой высоты, предпринять для достижения нашей цели все возможное, на что только способны физическая сила, выносливость и мужество.

Мы принимали то вправо, то влево от поля, то снова перестраивались, преодолевая многочисленные препятствия, прошли деревню и взбирались на возвышенность, которая доставила достаточно неприятностей отдельным всадникам. Колонна шла полуэскадронами, и так мы двигались до дороги, которая тянулась вдоль склона оврага.

Более двух третей высоты было уже пройдено, и здесь я остановил первый полуэскадрон и приказал им развернуться в линию. Пока я продолжал это развертывание, урон, наносимый огнем, был небольшим, так как край оврага оставался незанятым русскими и почти все их выстрелы были слишком высокими; только 3-й и 4-й эскадроны во время своего перестроения серьезно пострадали от огня противника с флангов, так как многие препятствия местности, упавшие лошади и тому подобное очень задерживали их.

В то время как с большими усилиями, при активном участии командиров отделений, проводилось это перестроение, я сам поскакал на высоту, чтобы увидеть, что дальше ожидает наши войска. Но в этот момент меня нагнал французский офицер и воскликнул: *«Полковник! Наверху вы найдете два полка русской пехоты, поспешите атаковать их, или все пропало!»*.

Когда я достиг самого края, то окончательно убедился в безотлагательной необходимости быстрой атаки, так как к неприятельской пехоте, которая частично сформировала каре с батареей на ее правом фланге, приближались войска для поддержки.

Тут я принял решение опередить эти подкрепления и помешать еще не успевшим сформировать каре полкам, а для этого их нужно было атаковать без промедления.

Немедленно я послал моего офицера-ординарца лейтенанта Квалена⁸ к генерал-лейтенанту Тильману, который был при другом полке бригады, чтобы сообщить ему, как обстоят дела и что я сейчас атакую. Однако, заметив, что 4-й эскадрон сильно расстроен фланговым огнем батареи противника и имеющимися препятствиями и перестраивается медленно и с большими трудностями, я тут же приказал майору фон Хойеру⁹, когда его эскадрон снова будет построен, сомкнуто следовать за мной в резерве. Но в этот момент прибыл сам генерал Тильман, и я поднялся на оставшуюся часть высоты с тремя построенными в линию эскадронами, чтобы произвести атаку.

Вряд ли бы мы взошли наверх, несмотря на наши твердые намерения, если бы русские, как я уже отмечал, не допустили ошибку, отойдя немного назад от края оврага.

Первый эскадрон, как только мы взошли на плато, держался несколько правее, затем принял вправо и атаковал стоящую слева русскую пехоту. Это подразделение сопровождалось генералом Тильманом лично. Я сам 2-м эскадроном и 5-м полуэскадроном атаковал центр и левое крыло.

Противник с большой уверенностью подпустил нас на 40 или 50 шагов и тогда дал залп, но лошади разогнались, пришпоренные железной волей, честь и слава ожидали нас в боевой линии русских. Короче, мы неудержимо теснили ее и разметали всех перед нами. Даже при самом ужасном потрясении каждый отдельный пехотинец русских продолжал стрелять, и только когда они были порублены, огонь прекратился.

Батарея противника была тогда же взята, и несколько пушек увезено.

Земля была покрыта солдатами неприятеля, так как никакой пощады никто не просил и никто не давал.

Эскадроны после атаки разошлись, как это происходит почти всегда в таких случаях, а команда 4-го продолжала, согласно моему приказу, сомкнуто следовать отдельно.

Несколько подразделений кирасиров Цастрова делали то же; те, что выбирались из оврага, бросались в суматоху боя, так как никто из этих храбрых

людей не хотел отставать. Поэтому все с шумом перемешались, и следовало навести порядок.

Как раз когда я занимался сбором полка – что было нелегкой работой, особенно потому, что с нашего левого фланга нас весьма усердно приветствовала размещенная там батарея противника, – показался неприятельский драгунский полк, который в прекрасном порядке выступил нам во фронт из светлого березняка.

Нельзя было терять ни мгновения, нужно было как можно скорее построиться, чтобы предупредить атаку противника, и я с удовольствием отметил, что это было выполнено за несколько мгновений, прежде чем сигналы трубачей и крики офицеров достигли своей цели.

При каждом случае я старался обращать внимание офицеров и солдат на важность быстрого сбора и особенно на то, что тяжелая кавалерия, где возможно, всегда должна действовать в массе, так как в этом ее настоящая сила и ужас. Уверенные в истинности этого принципа, все были теперь в строю. Я рысью атаковал русских драгун (мне говорили, что это смоленцы – у них были желтые обшлага)¹⁰, затем очень быстро и неумолимо отбросил их.

Конечно, было бы весьма желательно, чтобы 4-й эскадрон еще оставался за мной сомкнут *в резерве*, так как с уже ослабевшими лошадьми рассыпная перегруппировка полка, которая сейчас началась, была рискованной. С одной стороны, даже при быстром построении и мгновенной атаке стало невозможным предпринять все необходимые меры относительно боевого охранения и других распоряжений. И здесь майор фон Хойер больше других подходил для командования резервом. С другой стороны, долгий бой привел солдат в состояние трудно сдерживаемой возбужденности и ярости, вместе с тем для необходимых сигналов отсутствовали трубачи: некоторые из них были застрелены, другие больше не могли двигаться на своих лошадях, а мой собственный штаб-трубач уже погиб при последней атаке.

Пожалуй, часть вины была на мне, и должен признаться, что горячность заставила меня принимать решения слишком быстро и забыть так необходимые командиру правила осторожности и благоразумия. Впрочем, я был твердо убежден, что совершенно прикрыт с тыла обоими вестфальскими полками дивизии и что в строю стремились в основном к тому, чтобы занять местность.

Если бы кавалерийская атака на высоту у Семеновской была должным образом поддержана пехотой и артиллерией, это намерение было бы вполне реальным, поскольку, как позже стало ясно, мы уже были близко от Московской

большой дороги и неприятельского парка резервной артиллерии, из-за чего противник бросил все свободные войска нам навстречу и во фланг.

Раньше русский верховный главнокомандующий, возможно, и не подумал бы, что эту крутую возвышенность, занятую несколькими полками пехоты и необходимым числом орудий, можно взять. Кроме войск, необходимых в резерве, он оставил здесь в запасе лишь небольшие силы, а остальных, скорее, использовал на других пунктах. Подтягивание их произошло с некоторой задержкой, а у идущей за нами пехоты было достаточно времени, чтобы развернуться и занять территорию. По моему убеждению, вследствие этого исход сражения наступил бы гораздо быстрее и был бы несравненно более решительным; требовались лишь 8-тысячная колонна пехоты и несколько легких батарей. Мы бы неудержимо продвинулись вперед до большой дороги и вследствие этого перерезали бы неприятельскую линию отхода на Москву.

Но я продолжаю мое повествование.

Во время преследования ко мне присоединился майор фон Хойер; мы заметили украшенного многими орденами русского офицера; я счел его командиром неприятельских драгун, и мы направили наших лошадей к нему. Таким образом, мы отделились от основной части отряда, который, как я позже узнал от моего адъютанта лейтенанта фон Файлицша¹¹, бросился вправо в ложбину, так как попал под сильный огонь и наткнулся на свежие войска.

До сих пор лишь несколько ординарцев и люди, преимущественно имевшие хороших коней, могли следовать за нами. Вскоре мы догнали неприятельского офицера, но в это время я заметил, что нахожусь с моей маленькой группой совсем изолированно. Поэтому я решил воссоединиться с полком и, заметив трубача Цастрова, велел трубить сбор. Майор Хойер, мой адъютант, и ротмистр Меерхайм¹², также присоединившийся ко мне, старались по возможности поддерживать меня в этом. Мы поспешно собрали около 30 человек, и, предполагая, что часть дивизии должна еще стоять позади в резерве, я решил с этой группой соединиться с ними.

Пока я давал еще некоторые распоряжения лейтенанту фон Файлицшу, пушечное ядро пробило его лошади горло и сбросило его. Я раньше владел этой лошадью, и было любопытно, что в австрийской кампании при выступлении полка, когда я как флигель-офицер дал знак вынуть сабли, эта лошадь наклонилась, в результате чего я был серьезно ранен в руку. Позже она долго и полезно служила мне.

Я больше не видел доброго Файлицша, хотя он спасся, пешком присоединившись к остальной части полка, но позднее укол пикой в позвоночник в тот же

день закончил жизнь этого преисполненного надежд молодого человека. Три лошади были убиты под ним за несколько часов, полк потерял с ним превосходного офицера. Он был единственным сыном из оставшихся 13 детей генерал-лейтенанта Файлицша. Этот замечательный молодой человек решил участвовать в русской кампании только из чувства чести и долга, он оставил дома молодую жену в радужных надеждах на счастливое будущее.

Эта потеря, о которой я узнал лишь позже, причинила мне сильную боль, я поистине по-отцовски любил его, а он был предан мне всей душой.

В то время, когда мы с Хойером и остальной командой отступали, несколько человек обратили наше внимание на то, что на удалении нескольких сотен шагов уже виднелся снова построенный полк Цастрова.

Было очень пыльно, однако Хойер, у которого был острый взгляд, подтвердил это, и полностью уверенные в себе мы скакали теперь к нашим предполагаемым братьям по оружию.

Однако какой ужасный обман, это были русские! Только когда мы почти подскакали, то увидели каски и темные обшлага. Было очень сложно отличить этих русских кирасир от цастровцев. И еще к нескольким роковым путаницам привело в этот день сходство кирас и мундиров названного полка¹³.

Уже не было другого пути, противник позади нас – необходимо быстрое решение; я принял его без промедления, решив вклиниться с моим отрядом в широкие промежутки в построениях русских, по возможности пробиться и спастись в поле. Я скакал на очень быстрой лошади, трансильванском вороном, у майора Хойера также была хорошая лошадь, а люди, следовавшие за нами, храбры и решительны. Все это еще давало надежду на счастливую развязку, но, к сожалению, этому, как многому другому здесь, не суждено было сбыться; мне было определено другое.

Я, несмотря на несколько полученных ранений, почти пробился и уже видел свободное пространство перед собой, когда моя лошадь внезапно ослабла (выстрел ударил в низ ее бедра) и перестала мне подчиняться.

Пока я защищался с правой стороны, получил два удара по голове слева. В этот момент я видел также майора Хойера, у которого кровь бежала по лбу, и двух моих людей, одного с проколотой слева челюстью, другого с рубленой раной головы. Тут я оглушенный упал с лошади, в глазах потемнело, и больше я ничего не видел и не чувствовал.

Пожалуй, довольно долго я лежал в этом бессознательном состоянии, потому что, когда очнулся от сильной боли в правом боку – один из мародеров пи-

кой, вероятно, захотел убедиться, жив ли я еще или действительно мертвец, — я больше не увидел неприятельского полка, только отдельных русских кирасиров, срывающих мой колет и т.д. Мои шея и грудь были очень стеснены, все нервы, кажется, судорожно сжимались, я едва мог дышать, мое состояние казалось мне безнадежным, и я был в ярости, что мой смертный сон прервали и как будто выдернули меня еще раз для короткого и мучительного существования.

После того как с меня сняли галстук, один из мародеров так сильно рванул за крепкий шнур, прикрепленный к моноклю, что я, при и без того опухшей шее, подумал, что задохнусь.

Один старый кирасир, волосы которого были уже седыми, с добродушной мягкой физиономией и взглядом, насилу уговорил нескольких своих товарищей, которые, похоже, были не в настроении, пощадить меня.

Он сделал мне понятный знак, нет ли у меня часов, и, к счастью, они еще оставались незамеченными в подштанниках. Утром, после провозглашения прокламации, я уронил их, стекло разбилось, я завернул их в бумагу и положил в карман.

Этот кирасир, несмотря на его низкое сословие и суровый облик, был редкостным, превосходным и отзывчивым человеком, и я твердо убежден, что он и без всякой добычи был бы таким же человеческим и заботливым ко мне. Это подтвердилось его позднейшим поведением, когда он больше не мог ожидать никакой пользы от ухода за мной. Он обнял меня, чтобы предохранить от нападок некоторых его товарищей, каждым выражением лица и жестом показывал мне живое сочувствие, пытался остановить текущую из ран кровь, предпринимал все, чтобы успокоить меня, позвал второго кирасира и с его помощью мягко и с осторожностью повел меня от кучи тел, сваленных сбоку от кустарника. Несколько других всадников, вопреки его призывам, следовали за нами, а один особенно отличался яростным отношением ко мне, так как все время держал заряженный пистолет у моего лба; вероятно, он остался с пустыми руками при дележе моей собственности. Напрасно старик кричал: «*Это генерал!*», он становился лишь более жестоким. Наконец, старик увидел молодого офицера и громко позвал: «*Это генерал!*»¹⁴, после чего тот немедленно прискакал сюда. Он говорил по-французски, был лейтенантом при Орденском кирасирском полку, назвался Науманом (Naumann) и расспросил меня обо всех подробностях. Он приказал, чтобы собравшиеся кирасиры немедленно ехали к своим эскадронам, все тут же повиновались, кроме того, могу сказать, бешеного, которого можно было прогнать только ударом клинка. Конечно,

наибольшую благодарность я испытывал к этому человеколюбивому офицеру, как и к старому кирасиру, так как без этих двух храбрых людей я бы вряд ли выжил на поле битвы. Теперь старик перевязал мне голову платком, посадил меня на вторую лошадь, взял ее за узду и с осторожностью и терпеливостью повел меня через редкий березовый кустарник. Если встречались бедно одетые крестьяне, служившие в качестве резервных ополченцев, сопровождения транспорта и охраны пленных, то он всегда ехал в стороне и давал мне понять, что опасно попадать в их руки. Я очень ослаб и едва мог держаться на лошади, но он продолжал говорить со мной, чтобы я не терял мужества и часто кричал: «Hauptquartieru nie daleko», т.е., как я узнал затем, что штаб-квартира не очень далеко.

Моя каска, которую он прихватил, доставляла ему особенно большую радость, вероятно, добрый человек считал, что она из золота и обеспечит ему беззаботное существование в старости.

Примерно через полчаса езды мы прибыли к нескольким отдельно стоящим на большой дороге домам уже другой деревни. Деревня, которой принадлежали эти изолированные дворы, называлась¹⁵...

Несколько рядов пушек и множество зарядных ящиков еще стояли здесь в резерве. Для прикрытия им служили несколько батальонов ополченцев, которых насчитывалось примерно 4 000 человек. Кроме них, я не видел других свободных войск.

Вид этих русских крестьян действительно страшен, потому что на них были надеты темно-коричневые и серые длинные кожаные накидки, их нельзя было сразу отличить от дикарей; у многих лица было настолько покрыты волосами, что не было видно ничего, кроме носа и глаз.

Позднее у меня была возможность рассматривать их во всех подробностях и удивляться этим сыновьям леса и степи, но сейчас я чувствовал себя слишком слабым и уставшим, чтобы иметь желание и силу для этого.

У довольно видного, но состоящего только из одного этажа дома мой проводник остановился. Здесь находился походный госпиталь.

Меня отвели в комнату, где находились несколько раненых офицеров, которых перевязывали. Присутствующий штабной офицер свободно говорил по-немецки, повел себя по отношению ко мне очень любезно и заверил, что присутствующий хирург очень скоро перевяжет и меня. Но особенно большое участие в моей судьбе принял молодой швейцарец по имени Бернхардт, чье имя осталось глубоко в моей памяти. Он был не военным, а личным секретарем рус-

ского князя и сам немедленно отправился, чтобы привести второго старшего врача для моего пользования, так как перевязка присутствующих происходила слишком медленно.

Между тем прибывало все больше раненых русских офицеров; они единогласно уверяли, что битва будет иметь для них благоприятный исход, уже захвачено несколько батарей, а мой король – они считали меня, неизвестно почему, одним из адъютантов Мюрата – пленен¹⁶.

Наконец швейцарец нашел старшего дивизионного хирурга; это было вовремя, потому что я едва ли мог дальше держаться, так как колотая рана слева на челюсти, где был пробит кровеносный сосуд, вызвала у меня особенно большую потерю крови.

Хирург, урожденный вюртембержец, оказался милым, готовым помочь человеком. Хотя он весьма гневно высказался о нашей политике и нашем походе на север. «Всех, всех вместе, – восклицал он, – я хочу разрезать на куски и расстрелять, чем расходовать на них мои бинты!». И тем не менее, вопреки всем этим жестким высказываниям, он отнесся ко мне с самым похвальным вниманием, тщательно смыл кровь, зашил и перевязал меня со всех сторон и заверил, что ни одна из моих ран – у меня их было четыре на голове и три на теле – не смертельна, если не произойдет ничего неожиданного. Шинель, которую я намотал через плечо и живот (эта мера была принята во всем полку и оказалась чрезвычайно полезна) очень защитила меня, так как благодаря ей было предотвращено глубокое проникновение уколов. Кроме этого, моя письменная доска, ставшая добычей старого кирасира, но из-за находящихся там записей оставленная, приняла направленный слева укол в грудь, лезвие сабли скользнуло по жесткой коже и ушло в предплечье. От нанесенных лошадиными копытами контузий у меня больше всего болели шея и грудь, и еще долгое время были видны отчетливые следы, оставленные подковами.

Едва меня перевязали, я лишился сил. Участливый молодой швейцарец подвел меня к охапке сена за загородкой в углу комнаты, и здесь я немедленно уснул.

Вот так в этой жизни может произойти переход в мир иной, который для большинства будет более мучительным, если он здоров. Когда я был потоптан лошадью, я чувствовал только сильное сотрясение во всем теле, голова стала такой тяжелой, что я был не в состоянии держаться. Тьма окружила меня, и я утонул в глухой дурноте. Но все же я припоминаю, что думал при падении: «Ну, все закончено в этой жизни!» Если бы позже я получил еще несколько даже и смертельных ран, я чувствовал бы их меньше, чем скачки кирасиров по мне.

Как долго я лежал на этой охапке сена, я не могу точно определить, но, судя по позднему времени моего прибытия в Можайск, должно быть не менее часа.

Меня разбудила сильная тряска; это снова был молодой швейцарец, мой ангел-хранитель, который призывал меня немедленно встать. «Я не могу, — был мой ответ, — я бессилен и парализован, предоставьте меня моей судьбе!». «Нет! — звал он, — вы должны встать, постарайтесь изо всех сил, любая задержка несет опасность, через несколько минут спастись поздно, уже горит одна сторона дома, и скоро вся деревня превратится в пепел!». Тут молодой прекрасный человек с кирасиром взяли меня под руки и, взвалив на себя, вынесли меня из дома. Здесь он остался со мной, а другого послал за повозкой, чтобы отвезти меня в Москву. К счастью, тот нашел двухколесную повозку, на которой уже лежал раненый русский офицер; позже подсел еще один раненый в ногу солдат, и мы отъехали с наилучшими пожеланиями моего нового друга, которого я, к сожалению, больше не увидел.

Мое место на этой тележке было очень неудобным, каждый толчок вызывал у меня мучительные ощущения, и боль, которую я чувствовал во всех частях тела, была почти невыносимой.

Вся широкая дорога до Можайска была покрыта такими двухколесными тележками, которые частично увозили раненых, частично подвозили фураж и другие припасы, также мне встретился большой обоз артиллерии, но ни малейшего беспорядка или беспокойства при этом не было заметно. Я полагал, что в отношении соблюдения полного порядка при отступлении другим русским не было так просто; за Москвой мне это стало еще яснее.

Кирасир, мой покровитель, всегда оставался рядом со мной; другой тяжело-раненый товарищ привязался к нему, и поистине благородный воин поддерживал также и его. Я до сих пор вижу этого достойного ветерана, его добродушный взгляд, его сердечность, его живое участие, выраженное его физиономией; все это, каждую из его особенностей, я хотел бы изобразить верно и точно, если бы разбирался в рисовании.

Если бы я мог выразить ему мою сердечную благодарность делами, а не только добрыми воспоминаниями! В Можайске я попросил его записать его имя и нахождение и обещал после моего возвращения в Саксонию отправить ему значительный подарок; но он воздержался от этого, и, таким образом, исполнение такого дорогого для меня долга стало невозможным.

Пока этот усердный человек оказывал помощь своим товарищам, в тележку забрался конюх, решивший заняться другим делом, и отстегнул мои серебряные

шпоры, единственное имущество, которое еще представляло для меня какую-то ценность. Если бы старик быстро не вернулся, то он, вероятно, также присвоил бы себе сапоги, так как по выражению его лица и покачиваниям головы, он, похоже, думал, что мне в этом мире больше не придется много ходить.

После медленной, показавшейся мне бесконечной поездки мы к вечеру прибыли в городок Можайск. Бесчисленные повозки с ранеными заполняли широкую улицу, которая вела к рыночной площади, и отдаленный гром пушек звучал еще с поля битвы и сопровождал их рыдания.

Пока кирасир подъезжал к одному из распоряжающихся офицеров и сообщал ему обо мне, прискакали несколько других и, как я понял из их жестов, доставили присутствующему генералу неприятные сообщения о ходе битвы.

Тихая серьезность появилась на лицах всех. Все стали молчаливы и мрачны, и каждый озабочился только исполнением своих обязанностей.

Один из присутствующих офицеров, приятный молодой человек, которому было поручено размещение раненых, указал дом, куда должна была отвести нас повозка. Мы сошли, и уже на пороге навстречу нам из комнат зазвучали рыдания и сетования. Мы находились в походном госпитале. Множество несчастных с раздробленными конечностями, лежа вокруг, ждали ампутации, а значительное количество уже отделенных рук и ног были свидетельством ужасного действия французских орудий.

Уж на что я чувствовал себя ослабленным, но эта новая сцена наивысшего человеческого горя меня все-таки потрясла. Мне предоставили угол и сказали, что я должен здесь ждать, пока очередь хирургической помощи дойдет до меня.

Вероятно, меня считали изувеченным, а еще остававшаяся на мне одежда не позволяла предположить, что я – адъютант короля Саксонии и командир его конной гвардии.

Весь разорванный и покрытый кровью колет, который мне возвратили, я держал в руках, так как не смог снова надеть его; мой остальной костюм состоял из фланелевого жилета и старой гвардейской шинели, которая была выброшена на меня в первой деревне. Головной убор у меня отсутствовал, а лицо и лоб были обмотаны бинтами. Только с трудом я мог произносить слова, так как каждый звук вызывал у меня сильные боли в груди и боках, шея от лошадиных копыт также была настолько опухшей, что снова завязать воротник на рубашке я смог только через 14 дней.

Несмотря на все сцены страданий, несмотря на все громкие сетования и разрывающие сердце рыдания, которые здесь окружали меня, я тем не менее на не-

сколько минут заснул, так как был полностью изможден и доставлен на место в состоянии крайней слабости и тяжелого головокружения. Но я снова был разбужен сильной тряской. Это был мой прекрасный кирасир, который заставил меня встать, чтобы отправиться к генералу, поскольку до сих пор безуспешно пытался найти для меня в наполненном военными и ранеными маленьком городе квартиру.

Генерал был занят на рынке, отдавая команды. Я изложил свою просьбу и сообщил ему мое имя и должность, но, вероятно, он понимал только по-русски, так как направил меня к молодому офицеру, с которым я должен был говорить. С любезностью тот ответил мне, что я поеду на квартиру к раненому французскому генералу, а наутро отправлюсь с ним дальше в Москву. Тут же кирасиру указали переулок и дом, мы продолжили путь, и хотя меня поддерживал еще второй солдат, тем не менее вели меня, прежде чем я достиг моего убежища, очень долго, так как дыхания и сил совсем не хватало.

Наконец мы вошли в жалкий одноэтажный маленький полуразрушенный дом, но он показался мне дворцом, так как там, по крайней мере, меня ждал покой.

Я нашел упомянутого французского генерала – его имя было Бонами (Bon Ami)¹⁷ – лежащим в углу комнаты на ворохе сена и стонущим. Он был пленен в ранее захваченном, а потом опять отбитом укреплении противника и получил 13 штыковых ранений, из которых одно с левой стороны груди вызывало особенно сильные боли, а так как оно было глубоким, то угрожало его жизни. Когда появились русские хирурги, чтобы осмотреть его раны, он упрашивал их, повторив, наверное, раз сто *«Ради Бога, пусть мне кровь, или я покойник!»*, на что, как мне кажется, благоразумно отвечали, что это невозможно из-за его слабости. Еще в этой комнате находились молодой французский артиллерийский офицер с легкой рубленой раной головы и простой солдат, гасконец, который даже в таком бедственном положении не мог скрыть своего отечества частыми глупыми шутками и хвастовством. Поздно вечером прибыл офицер, который доставил меня в этот дом, и одарил нас половиной [каравая] хлеба, куском сахара и чаем, также он сообщил нам, что в 6 часов утра наш транспорт последует в Москву. Кроме того, еще несколько других офицеров заходили посмотреть на нас, а также снова пришел мой дорогой старый кирасир. Он долго и очень пылко говорил со мной, к сожалению, я не понял, чего он хотел, но позже узнал, что у доброго старика была идея сопровождать меня всю дорогу до Москвы, однако этого ему не разрешили.

Ночью я спал спокойно, меня иногда будили стоны генерала, но тем не менее Морфей, избавляя от боли и печали, снова возвращался к утомленным. Хотя моя шея к утру еще больше распухла и я совсем не мог глотать, в целом я все же чув-

ствовал себя лучше и даже окрепшим и, несмотря на большую потерю крови, без раневой лихорадки.

Назначенный для нашего сопровождения офицер ополчения прибыл только около 7 часов и сообщил генералу, что определенная для поездки лазаретная повозка¹⁸ готова.

Такой способ отправления раненых офицеров в специально подготовленных для этого повозках очень удобен. По форме они напоминают четырехместный большой батард¹⁹, но вмещают шесть человек и подвешены на пружинах. Две полки, на которых, если требуется, можно удобно лечь, полностью вытянув ноги. Вместо окон имеются дощатые перегородки с маленькими круглыми отверстиями у дверей. Стенки снабжены кожаными подушками. На этой повозке мы выступили в путь вчетвером, а офицер ополчения, которому были приданы два старых солдата, большей частью сопровождал нас пешком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Denkwürdigkeiten aus den Briefen, geschrieben an den Ufern der Wolga im Jahre 1813 vom Obersten v. Leyßer // *Meerheim R.* Erlebnisse eines Veteranen der großen Armee während des Feldzuges in Russland 1812. Dresden, 1860. S. 243–301.

² Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино: Центр. М., 2010.

³ *August Friedrich Wilhelm von Leysser.* Die Erinnerungen des Kommandeurs der Garde du Corps, 1812 / Herausgeber J. Titze. Norderstedt, 2016.

⁴ Мюрат Иоахим (1767–1815), маршал империи, король Неаполитанский, командующий резервной кавалерией Великой армии.

⁵ Яблоньский (Jabłoński) Игнаций, шеф эскадрона польского 14-го кирасирского полка. Убит в Бородинском сражении.

⁶ В русской армии на Бородинском поле не было генерала с такой фамилией. Имеется в виду начальник артиллерии 1-й Западной армии генерал-майор граф А.И. Кутайсов (1784–1812), погибший во время контратаки на занятую неприятелем батарею Раевского. Возможно, на ошибку повлияло и сходство с фамилией генерал-майора В.Г. Костенецкого (1768–1831), командующего артиллерией 6-го пехотного корпуса, после гибели Кутайсова возглавившего всю русскую артиллерию.

⁷ Дрезденский кувшин вмещает 0,9356 л, следовательно, в половине кувшина добрых 0,5 л (примеч. немецкого издателя).

⁸ Кваален (Quaalen) Кристоф, фон (†1812), лейтенант саксонского кирасирского полка Гард дю Кор. В Бородинском сражении ранен на батарее Раевского, умер на переправе у Березины.

⁹ Хойер (Hoyer) Людвиг, фон (†1812), майор саксонского кирасирского полка Гард дю Кор. В Бородинском сражении убит в кавалерийской схватке восточнее д. Семеновское.

¹⁰ Здесь автор ошибается. Смоленский драгунский полк, у которого действительно было желтое приборное сукно, находился в Дунайской армии. Скорее всего, речь идет о Харьковском драгунском полке из 4-й кавалерийской дивизии, имевшем оранжевое приборное сукно.

¹¹ Файлицш (Feilitzsch) Август Эрнст, фон (†1812), премьер-лейтенант и полковой адъютант саксонского кирасирского полка Гард дю Кор. В Бородинском сражении ранен и убит на батарее Раевского.

¹² Меерхаймб (Meerheimb) Франц Людвиг Август, фон (1785–1858), премьер-лейтенант и полковой адъютант саксонского кирасирского полка Цастрова. В конце Бородинского сражения ранен пулей.

¹³ Традиционно считается, что это был Орденский кирасирский полк из 2-й кирасирской дивизии. Приборное сукно в полку было черного цвета. Однако на кирасиров Цастрова больше походили кирасиры Астраханского полка из 1-й кирасирской дивизии, имеющие такие же желтые воротники, обшлаги и вальтрапы в сочетании с черными кирасами.

¹⁴ В оригинале слова приводятся по-французски: «C'est general!», но вряд ли простой русский кирасир кричал своему офицеру на французском языке. Очевидно, что возглас был по-русски: «Здесь генерал!».

¹⁵ Речь идет о д. Татариново и находящейся неподалеку усадьбе Михайловское. В Михайловском во время Бородинского сражения располагался лазарет.

¹⁶ После взятия в плен на батарее Раевского французского генерала Ш. Бонами по русской армии распространился слух, что пленен маршал И. Мюрат.

¹⁷ Бонами (Bonamy, Vonnamy) Шарль Огюст Жан Батист Луи Жозеф (1764–1830), бригадный генерал, командующий 3-й бригадой 1-й пехотной дивизии. В Бородинском сражении во главе 30-го полка линейной пехоты захватил батарею Раевского, во время русской контратаки получил множественные штыковые ранения и был взят в плен. Отправлен в Главную квартиру русской армии, оттуда через Рязань в Орел. Освобожден летом 1814 г.

¹⁸ Вероятно, армейская лазаретная карета образца 1797 г., предназначенная для перевозки больных и раненых офицеров. Представляла собой дроги с рессорами, кузов закрывался с боков дверцами и откидными щитами, чтобы воздух свободно проникал внутрь. Вдоль кузова устанавливались двое носилок с ножками, выполняющими функции кроватей. Спереди было сиденье для ездового, сзади – для лазаретного служителя.

¹⁹ Батард – здесь крытый, легкий дорожный экипаж на высоких рессорах.